

Не оставляйте стараний, маэстро

КУЛЬТУРА - 1994 - 24 ЮН - С. 12

Титания — Е.Гурьянова,
Основа — Е.Григорьев

Ирина МЯГКОВА

Сезон кончился "Первым блин-концертом", то есть первым сольным выходом на сцену учащихся актерской студии. Новый художественный руководитель Астраханского драматического театра Никита Ширяев набрал студентов в начале сезона, и теперь они живут в театре, как цирковые дети на арене, как младшие члены большой семьи, что вполне соответствует представлениям Ширяева о театре как доме. Который надо построить.

Режиссер появился в городе не в лучший для астраханского театра момент. Семь лет ремонтировали здание, спасая его почти двухсотлетнюю красоту от разрушения временем и подземными водами. Труппа скиталась по чужим углам, играя что придется, теряя форму и самый смысл профессии. Параллельно с ними скитался по театрам страны Ширяев, но не терял, а приобретал опыт, репутацию и созидательные намерения.

Опустим подробности нулевого цикла строительства, ибо это всегда невидимые миру муки, и сразу — к результату. Каков получился фундамент? Прочен ли? Надежен? Режиссер выпустил за девять месяцев восемь спектаклей и в завершение сезона устроил фестиваль премьер. Для Ширяева это были не столько резюме, не столько итог, сколько заявка на будущее, завоевание позиций, презентация режиссерских намерений и возможностей труппы.

Итак, он выпустил "Сон в летнюю ночь", "Идиота", начатого его предшественником, но практически загубленного и требующего кардинальной реанимации, все-русский шлягер — "Семейный портрет с посторонним" С.Лобо-

зерова, сказку С.Маршака "Двенадцать месяцев" под названием "Времена года", детектив М.Любимова "Легенда о легенде", не представленный на фестивале, ибо Ширяев был недоволен спектаклем, "Аторквато" (весьма смелая вариация на тему пьесы Альдо Николони "Дочки-матери"), "Призрак Александра Вольфа" — инсценировку романа Газто Газданова, и "Первый блин-концерт", ибо это тоже было хорошо придуманным и во многом программным спектаклем.

Как видим, афиша разнообразная и рассчитанная на широкий круг зрителей, включая и детей. При этом авторская воля, режиссерское лидерство, фантазия, изобретательность Ширяева очевидны. В наследство от первой, актерской профессии достались ему интуиция, доверие к подсознательному, размытость границ между явью и сценическим сном. Сны — возможно, ключевое опре-

деление для поставленных им спектаклей. Не случайно начал он со "Сна в летнюю ночь", назвав свое творение "Сон" и оснастив его весьма серьезной программой. Для Ширяева эта комедия Шекспира, — может быть, последний сон человечества перед грядущим Апокалипсисом. Ее героям в веселой любовной неразберихе вдруг дано услышать тягелую поступь невидимого и непредсказуемого Рока, ощутить свою беспомощность перед ним и ужаснуться. А специально введенный в спектакль персонаж (Г.Збруева) в монологах, составленных из шекспировских текстов, как бы озвучивает таящуюся угрозу, пророчествуя о хаосе, голоде и смерти.

Ширяев расширяет время, пространство и функции самодетельного театра афинских проститутинов. Из ремесленников-актеров не только Основа, вошедший в роль Осли, напрямую

общается с Титанией, но и другие видят богов, сталкиваясь с ними в лесу. Актеры становятся частью мира озорничающих богов. Им доступны не только роли "из прошлого" в наиприжалостнейшей комедии о жесточайшей кончине Пирама и Фисбы, но и роли из далекого будущего. Отсюда прелестная и очень смешная сцена русской конспиративной сходки-маевки, на которой рабочие распределяют тексты ролей, отрывая их от телеграфной ленты при самоваре и ситцевых занавесах. Актеры в шекспировском спектакле и есть те безумцы, которые навевают человечеству сон золотой.

Из режиссерских снов Ширяева мне наиболее интересным наряду с Шекспиром оказался "Призрак Александра Вольфа". Режиссер погружает нас в призрачную жизнь русской эмиграции в Париже. Он сохраняет магию рассказа от первого лица. Более того, усугубляет ее двойным авторством — Газданова, за которого читает сам, и его героя — Журналиста в исполнении талантливой Евгении Григорьевой. (Последнему в спектаклях Ширяева уготована роль Пришельца, Постороннего, Странника, Шута, Козла Отпущения. В "Сне" он сыграл артистичного и отнюдь не глупого Основу, в "Идиоте" — болезненного и растерянного бедного рыцаря Мышкина, а в "Двенадцати месяцах" — трогательно-правдолюбца Учителя).

Мистические поиски Журналистом своего прошлого, неожиданная встреча с человеком, убийцей которого он себя считает, и неразрывное с ним сосуществование, как с частью самого себя, странная любовь и странные встречи — все это облачено в гипнотически медленный темпоритм, сопровождается долгими, но не скучными, а завораживающими паузами. Это сон с постоянным подсознательным узнаванием — собственных снов, литературных и киноаналогий, в которых та же жизнь и те же персонажи, сон, трагический финал которого заранее предчувствуешь, потому что для автора он уже случился. Стерильное сюрреалистическое белое пространство (оформление Ширяева) с обглоданными, как кости, мертвыми белыми корягами инфернально и не предназначено для жинной жизни. Это фон для ослепительно ярких видений — безупречно элегантного и злопещего Вольфа (В.Демин), зачарованной красавицы Елены Николаевны (Л.Литвинова), посредника между сном и реальностью Вознесенского (Ю.Кондрашов), бесшабашного апаши Пьеро (С.Шукин), яркой Марины, одной из ипостасей Кармен (М.Богданова), и ее партне-

ров по пластическим композициям (А.Матвеев и П.Прудников). И тут чрезвычайно важна роль молодого художника по костюмам Андрея Климова. Красота его костюмов самодостаточна, коллекционна. Их хочется разглядывать вблизи, и они никогда не разочаровывают никакой бутафорией — все настоящее: меха, так меха, золотое шитье, так шитье, да еще вытравленное йодом, чтобы не блесло, как новенькое. Если старинный японский костюм, так со всеми его очаровательными сложностями и надстройками. Каждый спектакль Климова — это еще и театр костюма, всегда изобретательного и безупречно выполненного (браво цехам!) даже и в детской сказке — чудесном и радостном сне о торжестве добра и красоты.

Кстати сказать, детский спектакль, показатель общей культуры и нравственности театра, не только красив и режиссерски полноценен, но и замечательно сыгран. Положительные персонажи полны достоинства и лишены умильности (прежде всего Падчерица И.Штукиной), а отрицательные — живы и многообразны, что и дает надежду на их перевоспитание. И тут невозможно не упомянуть замечательные работы Наталии Иннус (Мачеха) и Гелены Пивоваровой (Дочь). Их персонажи связаны не только сообщничеством в злодействе и стяжательстве, но и родственной близостью, материнской и дочерней любовью, простодушием.

Программа, предложенная Н.Ширяевым, не забывает и об эксперименте, направленном на расширение творческого диапазона актеров. В этом смысле очень полезным оказался спектакль "Аторквато".

В заключение мне хотелось бы вернуться к "Первому блин-концерту". Не только потому, что он не встал в горле комом, а потому что в нем видна была некая перспектива, некая модель будущего дома, фундамент которого, считай, уже построен. Молодые в этом концерте вышли с самостоятельными номерами. Но в этих номерах их обслуживала, им подыгрывала, подтанцовывала и подпевала вся взрослая труппа в роскошных костюмах Климова, одновременно напоминая обо всех премьерах сезона. Последним, когда запели знаменитый спиричуэлс из репертуара Армстронга, на сцену из зала вышел Никита Ширяев и глубокоим, красивым басом неожиданно для всех спел "партию" Моисея, обратившегося к Богу с просьбой отпустить его народ из пустыни. Ведите же свой народ, маэстро, в обетованную землю Большого искусства. И не оставляйте стараний!

Оберон — В. Демин, Пэк — С.Кичигин